

Близнецы

Наталья Никольская

Дела забытые

«Научная книга»

Никольская Н.

Дела забытые / Н. Никольская — «Научная книга»,
— (Близнецы)

Детектив из серии «Близнецы» Натальи Никольской

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ПОЛИНА)	5
ГЛАВА ВТОРАЯ (ОЛЬГА)	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ (ПОЛИНА)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ

ДЕЛА ЗАБЫТЫЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ПОЛИНА)

В тот вечер все вроде бы было хорошо и ничто не предвещало никакой трагедии. Во всяком случае, внешнего мотива для беспокойства не было. Но я с утра чувствовала, что что-то должно случиться. Прямо места себе не находила.

На работе я часто выходила из спортзала, пила кофе, курила и успокаивала себя тем, что нет никаких причин для волнений. В душе же я не могла дожидаться, когда этот злополучный день закончится. Просто сама себя не узнавала.

Доехав до дома и поставив свой «Ниссан» в гараж, я поднялась к себе и быстро заперла дверь изнутри. Фу-у-ух ты! Слава богу, ничего не случилось, а теперь уже и не случится – я же дома и никуда не собираюсь выходить.

Быстро повеселев, я позвонила своей сестре Ольге, поболтала с ней о том-о сем, потом полистала журнал и отправилась в кухню готовить ужин. Вообще-то я не ужинаю на ночь, но сегодня мне хотелось чем-нибудь себя побаловать. За то, что переживала целый день непонятно из-за чего.

Увлечшись, я развила бурную деятельность: прокрутила фарш для беляшей, поставила вариться куриный бульон для лапши, а сама уже нарезала эту лапшу тонкими полосками, предварительно приготавив для нее пресное тесто.

Решив еще приготовить на десерт взбитые сливки, я отправилась в зал за миксером. В этот момент зазвонил телефон.

– Алло! – проговорила я недовольно, снимая трубку. Не люблю, когда меня отвлекают во время кулинарных упражнений. Я подумала, что это, как всегда, Ольга хочет сообщить мне какую-нибудь очередную глупость и заранее злилась на сестру – мы же закончили разговор полчаса назад!

– Полина? – послышался в трубке мужской голос. Он был мне как-будто знаком.

– Да, – немного удивленно отозвалась я, напрягая память и пытаясь понять, кому принадлежит этот голос.

– Полина, ты только не волнуйся... Это Миша Соколов... Тут понимаешь... Жора...

Жора Овсянников, мой бывший муж, работал старшим следователем УВД Тарасова. А Миша Соколов, молодой лейтенантик, работал вместе с ним. И довольно хорошо меня знал, хотя мы с Жорой и развелись давно.

По Мишиному голосу я поняла, что случилось то, чего я так боялась весь день. Вернее, я еще не знаю, что, но явно что-то очень неприятное.

– Что с Жорой? – вся окаменев внутренне, спросила я, сдерживаясь, чтобы не раскричаться. – Говори сразу!

– Он, понимаешь... В больнице.

– Что с ним? – закричала я, уже не сдерживаясь. – Что случилось? Он жив?

– Ну что ты, конечно!

У меня сразу же отхлынуло напряжение, сковавшее, как оковами, мои ноги. Бессильно я опустилась в кресло.

Миша тем временем продолжал:

– Кто-то стрелял в него... Ты приезжай, все узнаешь. Я тебе на работу звонил-звонил...

– Так у нас телефон сменился, – глотая непрошенные слезы и злясь на себя за эту слабость, прокричала я. – Миша, я сейчас же приеду! В какую больницу?

– В первую городскую, – сообщил Миша. – Третий этаж, я буду в коридоре.

– Бегу! – прокричала я и помчалась в кухню. Выключив плиту и наскоро прикрыв приготовленные продукты полотенцем, я сдернула с вешалки куртку, прыгнула в ботинки и помчалась на улицу.

Было уже холодно: октябрь подходил к концу, и моя непокрытая голова мерзла, пока я возилась с гаражным замком. Черт, не помогли моя хитрость и желание уберечься от неприятностей: они все равно нашли меня, и приходится выводить машину из гаража.

Подув на покрасневшие от холода руки, я быстренько запрыгнула за руль и повела машину к первой городской больнице.

Долетела я до нее минуты за четыре, обдавая грязными брызгами неуклюжих прохожих, лезущих на проезжую часть, и игнорируя их запоздалые ругательства в мой адрес. Расторопнее нужно быть, товарищи. Я тоже спешу.

Выскочив из машины, я понеслась на третий этаж, перемахивая через две ступеньки.

– Куда без халата? – перегородила мне дорогу пожилая полная санитарка.

– Я жена тяжелораненого старшего следователя УВД Овсянникова, – крикнула я ей, размахивая руками. – Попробуйте только меня не пустить!

– Никого не пускаем к нему, – она была непреклонна. – Нельзя, доктор запретил.

– Полина! – мне навстречу уже спешил Миша Соколов. – Пропустите, она со мной посидит в коридоре, – обратился он к санитарке.

Та пожала широкими плечами и отошла.

– Ну говори, что? – вцепилась я в Мишин рукав.

– Операцию сделали два часа назад, – прошептал он мне. – Удачно, говорят. Но к нему нельзя. Он без сознания. В реанимации лежит. К аппарату искусственного дыхания подключен.

– А что случилось-то, Миша? Как его ранили? На каком-нибудь задании, да?

– Да в том-то и дело, что нет! Не поймешь ничего! Он сегодня в отделении оставался, а мы все по городу мотались. Операция «Наркобарон». По притонам всяким ездили, наркотики искали, короче. Ну, и как ребята говорят, домой он собрался уходить... Пораньше. Хотел с какими-то материалами дома поработать. Вышел, все нормально... А потом нашли его... за три квартала от отделения... Огнестрельное ранение в грудь. Вот так... Сразу в больницу отправили, начальник меня тоже туда послал, я подъехал... Но меня к Жоре так и не пустили. Операцию, сказали, делать будут срочную. Я тебе звонить... Начальник сказал, позвони обязательно. Еле-еле уж домой дозвонился.

– Господи, Миша, но почему? Кто в него стрелял? Что могло случиться?

– Сам не знаю, – пожал плечами Миша и вытер пот со лба, хотя в коридоре было прохладно. – Кошмар какой-то!

«Действительно, кошмар!» – подумала и я спросила:

– А что врачи говорят?

– Да ни хрена они не говорят! – разозлился Миша. – «Ничего определенного сказать не можем, сделаем все возможное...» Ну, как обычно. Ждать, короче, надо.

– А когда он в сознание придет?

– Да кто ж его знает! Врачи говорят, что он может пробыть в коме неопределенное время...

– Ох! – вздохнув, покачала я головой. – Недаром я весь день как на иголках... Вот и случилось...

– Успокойся, Полина... – Миша неловко взял меня за локоть. – Все будет хорошо, верить надо в лучшее. Пойдем-ка покурим.

Я поднялась, и мы спустились в вестибюль. Курить здесь, конечно, тоже было запрещено. Пришлось выходить на улицу.

Руки мерзли, обдуваемые холодным ветром. Я подняла воротник куртки.

– Миша, подумай, кто мог желать Жоре зла? – задумчиво спросила я.

– Я думаю, Полина, все время об этом думаю. Ты не волнуйся, мы его найдем! Обязательно найдем. Это я тебе твердо обещаю!

– Не сомневаюсь, – ответила я. – Потому что я со своей стороны тоже сделаю все возможное...

– Что? – Миша удивленно поднял на меня глаза. – Ты-то здесь при чем?

– Я найду того, кто стрелял в Жору, – твердо повторила я и прямо посмотрела ему в глаза. – Такого я ему не прощу!

– Полина, – успокаивающе глядя меня по закованной руке, сказал Миша. – Ты успокойся... Успокойся и рассуждай трезво. Я понимаю, что у тебя внутри все кипит. Но, поверь, будет лучше, если ты не станешь соваться в это дело. Мы все сделаем сами. В конце концов, это наша работа. Ну? Договорились?

– Нет, – решительно ответила я. – Так не пойдет! Даже не уговаривай меня!

– Но, Полина...

– Даже слышать ничего не хочу! – я зажала руками замерзшие уши.

Миша постоял немного с открытым ртом, подумал-подумал и закрыл его. И махнул рукой.

– Я еще поговорю об этом с Димычем, – вяло сказал он.

Врет. Не будет он ничего говорить Димычу, начальнику своему, седовласому громкоголосому полковнику Вадиму Дмитриевичу. Тому сейчас не до всяких глупостей, поэтому он просто пошлет Соколова подальше. Это он так, пугает меня. Не на ту напал!

– Миша, ты все-таки постарайся вспомнить, может, Жора с кем поругался в последнее время? Ну, кому он мог так помешать, что в него стреляли? Ведь то, что он жив – это, как я понимаю, чистая случайность? Ну, и еще организм молодой, крепкий...

– Полина, так, может, тебе лучше знать, кто мог его ненавидеть? Все-таки тебе о его жизни почти все известно, хоть вы и не живете вместе? Ну, может, у него... – Миша замялся. – Может, его любовница какая приревновала и решила убить? Или муж ее?

– Это абсурд! – ответила я, покраснев.

«Хотя это было бы неплохо!» – подумала про себя злорадно.

У Жоры столько любовниц, что если бы все они ревновали друг к другу, Овсянникова бы уже давно не было в живых. Он чудом выжил после того, как я, будучи еще его официальной женой, застала его с одной... А уж если его каждая начнет отстреливать...

– Почему абсурд? – взвился Миша. – Ты извини, конечно, Полина, но Жора живет по принципу «женщин мало не бывает», и тебе это хорошо известно!

– Да чего ты передо мной извиняешься! – вяло махнула я рукой. – Из-за того и развелись...

– Ну и вот! Что, скажешь, у него не могло быть любовницы, у которой ревнивый муж? Ха! Да я сам знаю одну его такую, – Миша поднял голову и скосился на окно Жориной палаты, как будто тот мог слышать, о чем мы говорим. После этого он склонился к моему уху и зашептал:

– Он одну прямо в кабинет таскал! Точно тебе говорю! Молодая совсем, рыженькая такая, Эллочкой звать. Она замужем – у нее кольцо на пальце. Вот тебе первая версия!

– Так, интересно... – задумчиво проговорила я. Интересно-то интересно, но больно уж мерзкая версия! И неужели мне теперь придется проверять всех Жориных баб, если эта Эллочка окажется тут ни при чем? И как я буду их проверять на ревность? Или их мужей?

– Вот и занимайся! – радостно проговорил Миша.

Интересно, чего это он так обрадовался? То Димычу грозился на меня пожаловаться... И тут я подумала, что Миша, наверное, просто сам не верит в то, что говорит. Может быть, он просто выдумал эту Эллочку? Может быть, он нарочно подсовывает мне дурацкие версии?

Я подозрительно посмотрела на Мишу. Взгляд его был честен, невинен и светел, как у девы Марии.

– Что знаешь еще об этой Эллочке? – тяжело вздохнув, спросила я, меряя его угрюмым взглядом.

– Ну... Телефончик ее наверняка у него записан. Могу узнать.

– Вот и узнай! – огрызнулась я.

Миша как будто немного обиделся.

– Узнаю, – буркнул он в ответ.

– Ладно, – я отпугнула окурок. – Поеду я домой, раз к нему все равно не пускают. А завтра обязательно приеду. Работаю я завтра с утра, так что после обеда буду.

– Ты все так же, тренером?

– Да, тренером.

– Агентство-то сыскное так с Ольгой и не открыли? – поинтересовался Миша. – Вы ведь вроде бы все собирались...

– А-а-а! – махнула я рукой. – Бог с ним, с агентством! Канители больно много! Ладно, пока!

– Пока. Жду тебя завтра.

Я пошла к машине. Дело в том, что мы с сестрой Ольгой уже не раз были втянуты разными обстоятельствами в криминальные истории, которые нам приходилось распутывать. И, надо признать, всегда успешно. Сперва это было вынужденно, но со временем мы вошли во вкус и даже стали зарабатывать на этом деньги. То есть, находились люди, готовые оплатить наши услуги. Мы даже подумывали открыть частную контору, но все собирались-собирались, да так и не открыли.

Вообще-то у меня была постоянная работа тренера по шейпингу в спорткомплексе, кроме того, я имела черный пояс по карате и за отдельную плату помогала желающим овладеть этими приемами, а Ольга, психолог, кандидат наук, работала на дому. Принимала клиентов, нуждающихся в помощи специалиста, проводила с ними психологические сеансы... Правда, она лентяйка ужасная и по любому поводу старается от работы увильнуть, но ее бывший муж, Кирилл Козаков, после развода с Ольгой ударился в коммерцию и теперь жил вполне безбедно. Так что алименты на двоих детей Ольга получала более чем щедрые. А зачем напрягаться, когда деньги есть? Это она так считает. Есть на что прожить сегодня – и замечательно, можно на диване лежать с бокалом мартини или стаканчиком «Анапы».

Я ехала домой и рассуждала над тем, что случилось с Жорой. Конечно, за расследование этого дела мне никто ничего не заплатит. С Жоры взятки гладки, да и зарплата у него такая, что мне просто совесть не позволит брать с него деньги. Менты – о них вообще говорить смешно. Они мне точно платить не станут.

Но Жора, несмотря на то, что давно уже не мой муж, все-таки не чужой человек. И, расследуя очередное дело, я практически всегда обращалась к нему за помощью. И вообще... Несмотря ни на что, он меня все-таки любит! Любит... Любвеобильный, мать его, кобель чертов! Допрыгался!

Я обругала Жору про себя и тут же спохватилась. Не надо так, хотя бы в такой момент. Вот выздоровеет – я с ним поговорю по-своему. Только бы выздоровел...

Опять что-то защипало в носу. Слез мне только не хватало. Надо о делах думать. Так, чем же мне завтра заниматься? Этой Эллочкой? Как неохота, Господи... Она может подумать, что я ревнивая женушка, приехавшая к ней на разборки... Чушь какая! Терпеть такое унижение? Тьфу!

А подсуну-ка я эту Эллочку Ольге! А что? Это идея! Она как раз у меня психолог, вот пусть и прощупает, так сказать, ее психологию. А я займусь чем-нибудь поважнее. Только вот телефон ее у Миши узнаю.

На следующий день я после работы заехала домой, переделалась, наскоро пообедала и поехала в больницу. Халат на этот раз я захватила с собой.

В вестибюле я заметила большую толпу народа. Ее возглавлял высокий, сухощавый мужчина с худым, вытянутым лицом. Он был серьезен и что-то громко говорил. Я подошла поближе.

– ...Это дело непременно должно быть раскрыто! – услышала я его речь. – И вы должны приложить к этому все усилия. Тем более, что раскрываемость по району, прямо скажем, невысокая. И уж это дело, касающееся сотрудника милиции, старшего следователя УВД, должно быть раскрыто. Отчитаетесь за него лично мне, – он посмотрел на Димыча, который также присутствовал здесь. Тот молча кивнул. – Условия в этой больнице, конечно, неважные, – продолжал высокий. – Но все же лучше, чем в других. Поэтому надеюсь, что врачи приложат все усилия к тому, чтобы Георгий Михайлович выздоровел и вновь смог вернуться к своим обязанностям... – он обвел глазами присутствующих медиков. Те согласно молчали.

– Пойдемте дальше, – проговорил мужчина, и, круто развернувшись, пошел по коридору. Толпа за ним.

Они прошли мимо меня, и среди них я заметила Мишу. Димыч меня, конечно, узнал, но лишь кивнул головой.

– Кто это? – шепотом спросила я у остановившегося Миши, показывая на высокого.

– Андреев, Виктор Алексеевич. Депутат, – прошептал Миша мне в ответ.

– А что он тут делает?

– Больницу осматривает и все такое... Они сейчас по всему городу ездят, кто по рынкам, кто по вокзалам, смотрят, какие недостатки. Город обустройства. С нас тоже три шкуры дерут. «Раскрываемость невысокая»! – передразнил Миша. – Откуда ж ей быть высокой? Машин нормальных нет, компьютеров нет, а если и есть, то древние. Никакой техники! Что можно раскрыть в таких условиях? А им лишь бы показатели были хорошие!

– Ладно, не горячись, – остановила я его. – Он что, Жору лично знает?

– Не знаю, – пожал плечами Миша. – Узнал вот, что его подстрелили – разбушевался.

– Как, кстати, Жора?

– Все так же! – махнул рукой Миша. – В отдельную палату перевели...

– Да ты что? – удивилась я. – Из реанимации?

– Ну да! Там же все переполнено... А Андреев как приехал – распорядился, чтобы Жору немедленно перевели оттуда в пятую палату. И все прибабасы реанимационные ему туда принесли. Ну, систему там, аппарат этот дыхательный и все такое...

– Интересненько, за что это моему Жорочке такие привилегии? – немного удивленно протянула я.

– Андреев рейтинг свой подымает! – хмыкнул Миша.

– К нему пускают? К Жоре, в смысле?

– Не-а. Меня, во всяком случае, не пустили.

– А меня? Я же все-таки жена, хоть и бывшая?

– Не знаю.

– Что ты вообще знаешь! – обозлилась я. – Телефон хотя бы узнал этой Элки?

– Узнал, – обиженно ответил Миша. – На! – он протянул мне клочок бумаги.

На нем были написаны телефон и адрес.

– Спасибо, Миша, – поднимая голову, благодарно ответила я. Я и в самом деле была ему благодарна. Даже адрес узнал! Конечно, для него это не проблема, но все равно спасибо...

Миши рядом уже не было. Он удалялся по коридору к Жориной палате.

– Миша, спасибо! – крикнула я еще раз.

– Не за что, – усмехнулся Миша, не оборачиваясь. Потом повернулся и сказал:

– Понимаю теперь, почему Жора с тобой не живет. Себе дороже!

С этими словами он показал мне язык, а я осталась стоять с открытым ртом, не зная, как реагировать на такую мальчишескую наглость – догнать и надрать уши или рассмеяться...

Решив, что уши надрать я ему всегда успею, я пошла в ординаторскую. Мне хотелось самой поговорить с врачом. Ординаторская была закрыта.

– На обходе все, – сообщила мне проходящая мимо санитарка.

– А когда будут? Мне про мужа нужно узнать, он в очень тяжелом состоянии...

– Да вообще-то обход у нас по утрам. А к обеду они все здесь собираются.

– Так обед давно прошел!

– Так а я о чем! Сегодня депутат этот приехал, вот вся больница и на ушах! Даже не знаю, когда и освободятся. Подожди... – и она пошла дальше.

Я вздохнула и приготовилась ждать. Несколько раз спускалась на улицу, нервно курила, выбрасывая сигарету после четвертой затяжки, потом возвращалась, злилась на себя и снова бежала курить.

Наконец, к ординаторской подошла высокая женщина лет тридцати семи в ярко-зеленом халате и такого же цвета шапочке. Она достала из кармана ключ и стала отпирать дверь.

– Простите, – обратилась я к ней. – Можно с вами поговорить насчет больного из пятой палаты? Георгия Овсянникова?

– Знаю, знаю, он у нас один там лежит, – устало ответила она, проходя в ординаторскую и снимая с головы шапочку. По плечам рассыпались длинные, густые черные волосы, завитые на концах. Женщина повернулась ко мне. Лицо у нее было бледное, с темными кругами под глазами. – Что вы хотели?

Видно, ей с утра мотают нервы всякими проверками.

– Я хотела узнать, как его здоровье? На что можно рассчитывать?

– Милая девушка, – закуривая сигарету и выпуская длинную струю дыма, проговорила женщина. – Ничего определенного сказать не могу. Операция прошла успешно. Но в коме может пробыть долго. Очень долго. Пока все.

Это я уже и сама знала.

– Но... Когда можно будет его увидеть?

– Пока нельзя. Как можно будет – скажу.

– До свидания... – тихо ответила я и вышла из ординаторской.

Пошла к лестнице и стала спускаться вниз, на ходу снимая халат и натягивая куртку, которую до этого держала перекинутой через левую руку.

Поежившись от холодного ветра, сразу забравшегося под куртку, я побежала к машине. Нужно поехать к Ольге, рассказать ей обо всем... Она же даже не знает, что Жора в больнице. Теперь мне нужна помощь сестры.

Ольга была дома. Но в этом я убедилась только после того, как, позвонив три раза и не добившись результата, открыла дверь своим ключом. Сестра сидела на диване, ноги ее были закутаны пледом, на носу очки. Она пялилась в экран телевизора, на котором, заламывая руки, страстно объяснялась в любви пышночубому черноволосому красавцу какая-то худенькая мексиканка. Красавец явно страдал, но не от любви. По выражению его глаз я поняла, что ему сейчас больше всего на свете хочется пожрать чего-нибудь, а тут приходится выслушивать откровения этой красотки. Взгляд его был тосклив.

Ольга сидела, погруженная в экранные страсти и даже не видела, как я вошла. Рот сестры был полуоткрыт. Рядом с Ольгой на тумбочке стоял стакан с вином.

Я выразительно постучала ключами об дверной косяк. Никакой реакции.

– Тук-тук, – громко проговорила я.

Ольга зашевелила губами. Красавец мучился на экране. Потом вяло что-то вымолвил. Ольга сокрушенно покачала головой, схватила с тумбочки стаканчик и отпила немного. В это

время мимо парочки на экране прошла девушка с корзинкой бананов. Красавчик оживился и стал смотреть ей вслед. Ольга застонала.

Тут я не выдержала и довольно бесцеремонно постучала по ее голове. Несильно, конечно.

Ольга сразу же встрепенулась, испуганно ойкнув и натянув плед до подбородка.

– Ах, Полина, это ты! – облегченно проговорила она. – А я уж думала... Ну что же ты меня так пугаешь? Вечно шуточки у тебя дурацкие!

– Оля, мне нужно с тобой серьезно поговорить, – начала я, убирая ключи.

– Я сейчас никак не могу. Тут очень интересный... Ах! – всплеснула она руками.

Я повернула голову к телевизору. Красавчик, отчаявшись дожидаться сытного обеда, решил хоть в чем-то взять реванш, и теперь яростно впился в губы девушки. Та была счастлива. Не зря столько говорила.

– Ты лучше сядь, Полина, давай вместе посмотрим... – предложила Ольга, – недолго осталось...

Я вздохнула, не став принимать предложение сестры. Ольга этого даже не заметила.

Пока она сидела, как зачарованная, я решила пройтись по квартире и посмотреть, что в ней творится. Начала я с кухни. В ней, надо сказать, творилось нечто невообразимое. Гора посуды в раковине меня не удивила – к этому я давно привыкла. На столе же почему-то лежал Ольгин зимний сапог. С оторванной подошвой. И еще куча каких-то маленьких кисточек, палочек и щепочек. Кроме того, на плите захлебывался последними кипящими брызгами чайник. Я быстро подскочила к нему и выключила газ. Приоткрыв крышку, я убедилась, что воды в нем на доньшке. Еще немного – и в квартире был бы пожар.

В холодильнике было пусто и уныло, как в пустыне в знойный день... Единственным съедобным предметом была половинка соленого огурца, показавшаяся мне миражом. Господи, чем же Ольга здесь питается? А дети?

Перешагивая через большую лужу какой-то темной жидкости на полу, я хотела пройти к окну.

Чувствуя, что сейчас потеряю над собой контроль от злости, я опустилась на табуретку и закурила. Сигарета истлела за полминуты. За это время я успела немного успокоить себя и приготовилась к серьезной промывке мозгов своей сестре.

Я уже хотела встать и двинуться в зал, как почувствовала, что не могу подняться. Я дернулась, но брюки мои крепко держала какая-то сила. Я просунула руку и осторожно попыталась проверить, что там такое? Почувствовала на руках что-то липкое...

– О... Ольга! – холодея от ярости и уже догадываясь, что произошло, заорала я.

Сестра, как это ни странно, прилетела сразу же.

– Что случилось? – тоненьким голосом спросила она удивленно.

Я дергалась на стуле, как от электрошока.

– Ч... Что это? Что все это значит?

– Что? – не поняла Ольга.

– Почему я сажусь на твой стул и приклеиваюсь, мать твою растак!?!

– Ах, это, – облегченно проговорила Ольга, поправляя очки, – это новый суперклей. Понимаешь, я хотела подклеить свои сапоги... Вернее, один сапог. Зима же скоро... Вот... В общем, у меня ничего не получилось.

– Это я вижу, – усмехнулась я, трясясь тем не менее от злости, – зато я приклеилась великолепно! А почему же ты ничего не убрала после своей замечательной деятельности?

– Так фильм же начался, – удивляясь моей непонятливости, ответила Ольга.

– Подай мне мокрую тряпку! – потребовала я. – Я не могу подняться!

Конечно, подняться я бы смогла – не настолько этот клей был «супер», – но тогда я непременно порвала бы брюки, а они, между прочим, очень дорогие! Но Ольге этого, конечно, не понять.

– Водой хочешь? – осведомилась Ольга и тут же махнула рукой:
– Бесполезно! Я рукой в него влезла, так потом отмыть не могла. Пальцы словно корочкой покрылись. Сегодня еле-еле отдраила.

– Погоди, погоди... Сегодня? А когда же испачкала?

– Позавчера!

– Так что, этот бардак продолжается у тебя с позавчерашнего дня?

– Да, а что? – наивно ответила Ольга и огляделась, – почему бардак? Нормальная рабочая обстановка!

– А дети где? – мрачно спросила я.

– Их Кирилл забрал. А мне что одной? Я даже и не готовлю ничего. Для одной же не хочется готовить, правда?

– Да тебе ни для кого ничего не хочется! – взвыла я, отчаявшись отодраться от табуретки. – Ты лентяйка!

Мне захотелось стукнуть Ольгу, но я не могла до нее дотянуться.

– Попрошу меня не оскорблять! – выпрямилась Ольга. – Я не лентяйка! Просто у меня сейчас настроение такое... Лирическое!

После этого желание дать ей в глаз пересилило разум. Я резко дернулась, в брюках что-то хрупнуло, я замахнулась...

Ольга взвизгнула, хотя я просто легонько шлепнула ее по плечу, и отскочив, плюхнулась на пол. Прямо в большую лужу непонятной темной жидкости, которая оказалась вишневым компотом.

– А-а-ай! – завопила Ольга. – Что ты наделала?

– А ты что? – зло ответила я, пытаюсь повернуться и посмотреть, во что превратились мои брюки сзади. К счастью, они не порвались, и ткань не висела клочками, как я того ожидала.

Ольга, крихтя, поднялась с пола, ухватившись за ножку стола и, плача, поплелась в ванную. Вышла она оттуда надутая и сразу направилась в комнату, игнорируя меня. Надето на ней было какое-то подобие рубища.

Я заглянула в ванную. Одежда, подпорченная компотиком, валялась в тазу. Ольга ее даже не замочила. Я залила одежду водой, засыпала порошком и прошла к сестре. Та сидела, поджав губы, и тянула из стакана вино с таким видом, словно это был божественный коктейль.

У халата в цветочек, который Ольга напялила на себя, была только одна пуговица. Верхняя. Дальше халат распахивался, обнажая Ольгины прелести. На животе он был засален так, что все цветочки были надежно скрыты.

– Что это на тебе? – спросила я.

– А что? – поднялась Ольга, запахивая халат. – Домашняя одежда!

– Да у тебя половая тряпка чище! – простонала я.

– Так это же домашняя одежда! – снова повторила сестра. – К тому же, я одна дома.

– Понятно, меня ты, конечно, за человека не считаешь! А потом удивляешься, почему с тобой не живет Кирилл!

– А почему же с тобой, с такой чистюлей, не живет Жора? – вкрадчиво спросила поганка-Ольга.

Я раскрыла было рот, чтобы доходчиво объяснить этой балбеске, что это не Жора не живет со мной, а я с ним. Существенная разница, между прочим! Но тут вспомнила, зачем я, собственно, приехала к сестре. Господи, Жора лежит в больнице, он при смерти, я ничего не делаю для того, чтобы найти того, кто на него покушался, а уже больше получаса занимаюсь всякими глупостями! И все из-за Ольги!

– Оля, – сразу посерьезнев, сказала я. – Я, собственно, по поводу Жоры и приехала. Ты знаешь, случилось большое несчастье...

Глаза у Ольги сразу стали круглыми. Она очень остро реагировала на любую неприятность.

– Что... такое? – прошептала она.

– Жора в больнице. Кто-то стрелял в него. Он не приходит в сознание.

– Господи! – Ольга тоже моментально стала серьезной и даже приготовилась плакать. – Господи! Что же теперь будет?

– Не знаю, – вздохнула я. – Но надеюсь, что все обойдется. К тебе же я вот зачем...

Я рассказала сестре о своем намерении найти стрелявшего в Жору и покарать его. И про Элли рассказала.

– И что? – спросила Ольга, когда я умолкла. – Что я должна сделать?

– Ну, поехать к этой Элли поговорить там, я не знаю! Выяснить, могла ли это сделать она или ее муж. У нее вряд ли есть пистолет, но что из себя ее муженек представляет? Может, он бандит? Ты проникни в их семью, разузнай, прощупай все... Ты же у меня психолог! Только в квартире приберись!

– А ты уверена, что нам стоит лезть в это дело? Ведь милиция будет из кожи вон лезть, чтобы его раскрыть? Тем более, им этот депутат приказал... Может, мы только навредим?

– Когда это мы вредили? – возмутилась я. – Мы всегда все раскрывали – раскроем и теперь. К тому же у меня личная заинтересованность!

– У тебя всегда личная заинтересованность! – проворчала Ольга. – Стоит тебе денег предложить – и у тебя сразу личная заинтересованность! Ты очень меркантильная, Полина!

– Так, ты будешь мне помогать или нет? – вскипела я. – Если нет – так и скажи!

– Что ты! – испугалась Ольга. – Разве я так сказала? Я, конечно, сделаю все, что смогу... Ради Жоры.

Не ради меня, конечно.

– Короче, вот тебе ее адрес, – протянула я Ольге бумажку. – Внедряйся. Будешь моим агентом. Узнай все об этой семье. И главное – нет ли у них пистолета? Эх, черт, что же я даже не спросила, из какого оружия стреляли в Жору? Надо будет непременно выяснить! Ладно, мне пора. Звони обязательно!

– Поля, а мне что, прямо сейчас туда идти? – растерянно спросила Ольга, близоруко всматриваясь в листочек. – Это далеко...

– Ох, ну когда уж сейчас! – снисходительно ответила я. – Теперь уже завтра. Только завтра, Оля, а не через неделю!

– Хорошо, хорошо, – закивала Ольга головой.

– Ладно, пока.

Я вышла от Ольги несколько успокоенная. Теперь у меня есть какой-никакой помощник. Значит, я могу не думать про Элли и отрабатывать другие версии.

ГЛАВА ВТОРАЯ (ОЛЬГА)

После ухода Полины я крепко задумалась. Хорошо, что у меня оставалось еще винцо, а то прямо было бы немогогу! Господи, Жора... Как же могло это случиться? Признаться, я не очень верила в то, что в него могла стрелять эта женщина. Огнестрельным оружием обычно пользуются мужчины. А женщина бы лучше отравила его ядом. Проще и надежнее.

Посмотрим, что из себя представляет эта дамочка, может, такая, что любого мужчину за пояс заткнет.

Честно говоря, меня больше занимала не необходимость найти того, кто стрелял в Жору, а то, чтобы Жора выздоровел. Ведь это кошмар – прострелить человеку грудь!

Разволновавшись, я налила в стакан еще вина. Как бы мне самой не слечь от этих треволнений. Все Полина! Не могла потактичнее как-нибудь сообщить! Прямо в лоб – бух! С порога буквально!

Теперь я даже телевизор не смогу смотреть спокойно... Хорошо, что Кирилл забрал детей, иначе мне было бы очень трудно с ними. Так, у него они пробудут еще дня два. Потом – все. На большее Кирилла не хватит. Значит, за это время я должна все успеть. И с Эллой разобраться, и о клиентах своих не забывать. А может, плюнуть на них? Нет, нельзя. Финансы не позволяют. Надо попросить Кирилла, пожалуй, увеличить мне ренту. Вон цены как растут!

И Полина даже не поинтересовалась, как у меня с деньгами! Может, я тут с голоду помираю?

С голоду я и правда помирала, но не потому, что денег не было, а потому, что не было обеда.

Мучаясь вопросом, что лучше – возиться с приготовлением еды или перетерпеть, зато отдыхать, я мудро выбрала второй вариант. А чтобы процесс голодания не был таким мучительным, решила пораньше лечь спать. Во сне же не чувствуешь, голодная ты или сытая?

Отхлебнув еще, я нырнула под одеяло и старательно закрыла глаза. Однако проклятый голод не давал мне уснуть. Через минут сорок я не выдержала и вылезла. Желудок чуть не криком кричал о том, как над ним издеваются.

Вздыхнув, я прошла в кухню. Ничего радующего глаз я там не увидела. Можно, было, конечно, заняться делом и убрать там все, но мне было совершенно не до этого.

Схрумкав половинку соленого огурца, который уже начал горчить, я полезла в хлебницу. Ура! Почти половинка батона! Это же спасение!

Я заметно повеселела, быстро сжевала батон и отправилась спать. Желудок издал облегченный стон и утомился, измученный за день и удовлетворенный на ночь.

Утром я проснулась не в очень хорошем настроении, даже не осознавая, почему. Потом вспомнила о том, что в доме нечего есть, что денег почти не осталось, что нужно ехать к этой Элле... Понятно, с чего же тут будешь веселиться?

Тяжело вздохнув и ломая голову, за что мне досталась такая незавидная доля, я пошла-пала в ванную умываться. Кухню в то утро я просто проигнорировала, так как ничем порадовать она меня не могла. Правда, там не мешало бы прибраться, но с этим всегда успеется. Подумаешь, полы маленько липкие! Какая Полина придирчивая! Взяла бы и вымыла сама, если уж ей это так мешает!

Я еще раз вздохнула, надела пальто и стала спускаться вниз. Потом достала бумажку с адресом. Да, не близко. Надо было попросить у Полины денег хотя бы на дорогу, она же спрашивала, нечего было скромничать. Все скромность моя, вечно она меня губит.

Наклонив голову от ветра, я побрела на троллейбусную остановку.

– Лелька, привет! – послышался вдруг над ухом знакомый голос.

Я обернулась и чуть не подпрыгнула от радости: передо мной стоял мой давний знакомый, Дрюня Мурашов. Дрюня учился в нашей школе, правда, был на три года постарше, жил рядом с Полиной и был братом ее подруги.

Вообще-то Дрюня своим появлением мало у кого вызывал восторг: всем была известна его поразительная способность влезать во всякие истории и втягивать в них находящиеся рядом людей, причем сам Дрюня выбирался из них совершенно невредимым и цветущим, непонятно, чьими молитвами. Дрюня был неисправимым оптимистом, вечно безработным и веселым. И еще он умудрялся всегда находить деньги на выпивку. Вот это меня в нем поражало больше всего. Но в данный момент я так обрадовалась его появлению потому, что Дрюня был обладателем старенького автомобильчика и вполне мог отвезти меня по нужному адресу. Если хорошо попросить, конечно.

– Дрюня! – я чуть не кинулась Мурашову на шею. – Дрюнечка, как я рада тебя видеть! Ты не отвезешь меня в одно место? Тут совсем рядом...

– Ты знаешь, сегодня никак не могу. Ну просто никак! – решительно заявил Дрюня. – Дел по горло!

– Ну это же совсем рядом! – взмолилась я, ни на секунду не поверив в то, что у Дрюни могут быть серьезные дела.

– Вообще-то... – Дрюня замялся.

– Ну?!

– Вообще-то у меня не только времени нет, но и бензина. А также денег на бензин, – признался честный Дрюня. – Но если ты согласишься заправить мою машину, то...

– Ох, да у меня у самой денег нет, – простонала я. – Почему, думаешь, на троллейбусе езжу?

– Это хреново, – прокомментировал Дрюня и нагнулся к моему уху:

– Но есть один вариант! – Дрюня заговорщицки подмигнул мне. – Деньги всегда можно достать, если голова есть!

После этих слов мне стало немного не по себе. Нет, не из-за того, что для меня явилось открытием, что с помощью головы можно зарабатывать деньги, а просто меня терзали сомнения насчет наличия у Дрюни головы... В смысле, той, что нужна для зарабатывания денег...

– А что за вариант? – осторожно спросила я, на всякий случай отодвигаясь от Мурашова.

– Можно продавать вещи! – торжественно произнес Дрюня.

Я сразу почувствовала разочарование. И ответила словами благоразумного дяди Федора из известного мультика:

– Чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сперва купить что-нибудь ненужное, а у нас денег нет.

– Ты не поняла, – снисходительно проговорил Дрюня. – Товар уже есть. Только его нужно реализовать!

– А какой товар? – полюбопытствовала я.

– Да самый разный! Вот, смотри!

Тут только я заметила в руках у Мурашова огромную спортивную сумку фирмы «Адидас», набитую чем-то до отказа.

Дрюня расстегнул замок, подул на замерзшие руки и раскрыл сумку. Я увидела большое количество разнообразных баночек и скляночек.

– Что это? – спросила удивленно.

– Это новейшая косметика крупнейшей и известнейшей фирмы... фирмы... Как ее, черт? Забыл совсем! Ну, неважно! Главное – косметика первосортная! Это меня Мишка на это дело сподобил. По большому благу, между прочим! – подчеркнул Дрюня. – Так что давай с тобой сотрудничать – вмиг разбогатеем! Мишкина жена этим полгода занимается. Просто озолотилась! Мишке даже работать не надо. Бери! – с этими словами Дрюня всучил мне сумку.

– Подожди... – попыталась я отстраниться. – А что с этим делать-то?

– Ну как что! – поразился моей недогадливости Дрюня. – Распространять среди знакомых!

– Продавать? – ужаснулась я.

– Не продавать, а распространять! – выразительно поправил Дрюня. – Верняк дело! Понимаешь, нам с тобой будет идти процент от реализации. там выстраивается эта... как ее... Тьфу, забыл опять! Ну, неважно. Я тебе дам прайс-лист, там все написано. И название фирмы, и почему продавать. В общем, золотые горы можно заработать. Короче, это я тебе оставляю, ты реализовывай, а я к тебе на неделе зайду за своей долей. Я думаю, тебе двадцать процентов, а мне восемьдесят – так будет справедливо, да? Я же в конце концов основатель нашего бизнеса. Ты, Оля, только бутылочку не забудь прикупить – отметить это дело! Ну, пока! На! – он протянул мне какой-то смятый листок.

– Подожди! – пролепетала я.

Но Мурашов уже скользнул куда-то в переулок, повесив сумку мне на плечо. Я осталась одна. Стояла и растерянно топталась на месте. Чертов Мурашов! Хитрюга! Надо же так меня подставить! Верняк дело! Тебе двадцать процентов! А ему, видите ли, восемьдесят как основателю бизнеса! Тоже мне, бизнесмен! Подлец! Тунеядец! Альфонс! Полина права – зря я с ним миндальничаю. Ох, ну почему, почему я не могу, как Полина, решительно отказывать? Почему меня все используют?

Хотелось заплакать. Но я подумала, что от слез сейчас станет еще холоднее и решила повременить с этим.

Обнаружив, что до сих пор сжимаю в руке обрывок, который сунул мне Мурашов, я заглянула в бумажку. Это оказался прайс-лист. Увидев цены, проставленные сбоку, я почувствовала, что у меня сперло дыхание. Господи! Да кто же у меня купит эти банки за такие деньги? Честно говоря, в первый момент мне показалось, что Мурашов перепутал прайс-лист и подсунул мне цены на ракетные двигатели.

Первым моим побуждением было швырнуть злосчастную сумку подальше. И послать туда же Мурашова. Но дурацкая воспитанность не позволила этого сделать. Ладно, я возьму сумку с собой, а вечером непременно отнесу ее Дрюне. И очень решительно скажу, чтобы он не впутывал меня в свои авантюры! А еще лучше – пожалуюсь его жене Елене. Она ему быстро мозги вправит!

Поправив сумку на плече, я уныло потащилась на остановку. Втиснувшись в переполненный троллейбус и пристроившись у окна, стала смотреть на дорогу, спрятавшись за широкую спину какого-то дяденьки в надежде, что на меня не обратит внимания кондукторша. Но она, противная, все равно умудрилась меня выцепить и гаркнула прямо в ухо отвратительным голосом:

– Оплачиваем за проезд! Девушка, чего вы там жметесь?

– Я? Я вовсе не жмусь! – возмущенно ответила я, досадуя, что меня так позорят при посторонних и достала полтора рубля.

И чего ей дались мои полтора рубля? Все равно они ей погоды не сделают, а мне бы оченьгодились...

Больше, к счастью, моего пути ничего не испортило, если не считать того, что стоять пришлось всю дорогу. Господи, какие все-таки невоспитанные у нас мужчины! Хоть бы кто-нибудь из них уступил место молодой, привлекательной женщине! Нет, сидят, уставились в окно и делают вид, что ничего не замечают.

Один из представителей этого хамского племени очень откровенно меня разглядывал. Я изо всех сил старалась показать, что мне наплевать на его взгляды и вообще я совершенно не хочу сесть, даже если вокруг буде сотня свободных мест... Не помогло. Встал он со своего

места за одну остановку до моей. Я не стала садиться из принципа, к тому же освободившееся место тут же заняла толстая, потная тетка. И чего садится? Постоять, что ли, не может?

Наконец, я добралась до нужного мне места и с облегчением вышла из переполненного троллейбуса. Сумка немилосердно оттягивала плечо.

Элла жила в стандартном девятиэтажном доме в Ленинском районе, на восьмом этаже. Я поднялась туда на лифте и несмело позвонила в дверь. Только тут я сообразила, что не придумала, как мне отрекомендоваться. Нет, вообще-то я планировала назваться той, кто есть на самом деле – психологом – но кто мне сказал, что эта Элла захочет со мной говорить?

Но раздумывать было уже некогда – послышался звук отпираемого замка.

Дверь открылась, и на пороге появилась маленькая, изящная девушка лет двадцати четырех, с рыжими волосами, рассыпанными по плечам. Носик у нее был вздернут, а большие голубые глаза смотрели с любопытством.

– Вы ко мне? – спросила она.

– Вообще-то... да, – выдохнула я, решив, что это и есть Элла.

– А что вы хотели?

– Я... – я, как дурочка, топталась на месте, проклиная свою несообразительность.

– Вы что-то продаете? – пришла мне на выручку девушка, кинув взгляд на мою сумку.

– Да, – обрадовалась я, расстегивая сумку и роаясь в ней. – Понимаете, тут у меня перво-сортная косметика известнейшей фирмы... Фирмы... – я замялась, проклиная в душе подлого Мурашова.

Но девушке, похоже, не нужны были дальнейшие рекомендации. Она сразу же округлила глаза, увидев набитую баночками сумку.

– Ой, как интересно! – прошептала она мне. – Я непременно должна это осмотреть! Правда... – она с беспокойством взглянула на часы. – Вообще-то я... Вообще-то меня не должно сейчас быть дома – я хожу на занятия по английскому языку. И сегодня... Уже вышла из дома, и вдруг обнаружила, что забыла учебник. И пришлось вернуться.

Девушка постояла в растерянности. Потом решительно махнула рукой:

– А, черт с ним! Подумаешь, пропущу одно занятие. Вообще-то меня уже от них тошнит. Но муж настаивает, чтобы я занималась...

Девушка, похоже, была отчаянная болтушка. И барахольщица, которая не может спокойно пройти мимо ни одного прилавка. Что ж, это же просто замечательно!

– Вы проходите, проходите, – она тянула меня в квартиру.

Я прошла и присела на диван. Эллочка скакала вокруг меня, блестя глазами.

– Давайте, давайте скорее! – тянула она руки к сумке.

Я взяла и просто вывалила ее содержимое на диван. Элла тут же принялась перебирать все баночки, охая и ахая. Она была прямо как одержимая! Нечасто мне приходилось видеть такое благоговение перед кремами и губными помадами.

– Вот эту я точно возьму! – вскричала она, крутя в руках тюбик с помадой какого-то немислимо-фиолетового цвета. – Я попробую, можно?

Не успела я раскрыть рот, как Элла подскочила к зеркалу и принялась мусолить губы помадой. – Мне идет? – она повернулась ко мне.

– Несомненно! – покривила я душой.

– Я беру ее! – радостно сообщила Элла. – И еще вот это! И это! – она выхватывала из сумки все новые и новые флакончики. Необходимо было хоть как-то ее отрезвить.

– Прекрасно! – бодро проговорила я. – Это обойдется вам...

Элла замерла с занесенной над верхней губой рукой с очередным тюбиком. Потом медленно повернулась и бегом кинулась к шкафу. Достала из него какую-то шкатулочку и... протяжный стон вырвался из груди женщины. Она сжимала в руке две сторублевые купюры.

– Ох, черт! – с горечью проговорила Элла. – Денег совсем не оставил этот козел! Ну, ничего! Вы только не волнуйтесь! Я сейчас сбегаяю!

– Куда? – испугалась я.

– Да к подружке, к Таньке. Она здесь рядом живет. Вы подождете меня?

Честно говоря, меня поразила такая беспечность. Даже я никогда себя так не поведу.

– Скажите, а вы не боитесь оставлять в квартире постороннего человека? – осторожно спросила я.

– Что? – Эллины брови взлетели вверх. – Ах, да... А... Может быть, вы тогда на лестнице подождете? Я скоро вернусь!

– Вы знаете, вообще-то я никакая не воровка и мерзнуть на лестнице мне бы не хотелось – у вас очень холодный подъезд. Может быть, вы просто пока закроете меня на ключ? Здесь же восьмой этаж, я никуда не денусь. Я вообще могу вам свой паспорт показать! – я вдруг вспомнила честного заведующего детского садика из фильма «Джентльмены удачи», который не мог допустить, чтобы ему поверили на слово, что он перетаскает радиаторы.

– А что? Это мысль! – проговорила Элла. – Да я не про паспорт! – отмахнулась она, видя, что я достаю из сумочки документы. – Я про запереть вас пока, если вы так настаиваете! Я сейчас приду, вы подождите! – прокричала она уже из прихожей.

Крутанулся два раза замок, и я осталась совершенно одна в чужой квартире, слушая, как стучат по лестнице каблучки этой сумасбродной и легкомысленной девчонки.

Оставшись одна, я огляделась. Квартирка была что надо! Вся мыслимая и немыслимая современная бытовая техника, умопомрачительные обои, навесные потолки... Мне такое и не снилось! Я давно мечтаю сделать у себя в квартире хоть какое-то подобие ремонта, но все никак руки не доходят. Да и денег нет. Однажды, правда, я решила побелить потолок самостоятельно, чтобы сделать Кириллу сюрприз, но сюрприз обернулся такой бякой, что после того, что увидел и наговорил мне Кирюша, я чуть в больницу не загремела с нервным расстройством.

С тех пор я не рискую браться за ремонт сама. А здесь, видимо, сами-то хозяева и не прикасались к отделке квартиры. Во всяком случае, я не могла представить себе Эллочку с меловой тряпкой в руках. Не знаю, правда, что там у нее за муженек...

Что у нее за муженек, мне представилось узнать очень скоро. В тот момент, когда я прошла в кухню попить воды. В это время в прихожей послышалось звяканье ключей.

«Ну слава богу, вернулась!» – мелькнула в моей голове счастливая мысль. Моим следующим намерением было вытянуть разомлевшую от счастья Эллочку на откровенный разговор о жизни вообще и ее в частности. Семейной. Надо же мне было узнать, имеет ли она отношение к несчастью, случившемуся с Жорой! Господи, Жора, я совсем забыла, что все это ради тебя!

Я побежала в коридор, чтобы немедленно приступить к исполнению своих обязанностей.

В коридоре висело большое зеркало, в котором я смогла рассмотреть входящую девушку... То, что это не Элла, я смогла разглядеть даже своими близорукими глазами. Нет, можно было, конечно, предположить, что за время общения со своей подружкой Эллочка умудрилась перекрасить волосы и вставить контактные линзы, изменяющие цвет глаз, но что она смогла увеличить свой рост по крайней мере сантиметров на двадцать пять...

А в девушке, которая входила сейчас в квартиру, было где-то метр семьдесят пять, не меньше... Вслед за ней входил высокий, крупный мужчина в черном кожаном плаще.

– Никого? – спросила девушка.

– Да нет, моя сегодня на курсах английского, нескоро вернется. У нас с ней договоренность: до пяти вечера – мое время, после пяти – ее. Так что ничего не бойся.

– Да уж, высокие отношения! – хмыкнула девушка, снимая ботинки. – Помоги мне! – она ухватила за его руку. Тот нагнулся и стал помогать девушке разуться. Но так как был немного пьян, то не удержался и повалился вниз, увлекая за собой девушку. Послышался грохот, потом кто-то ойкнул, затем застонал, а после раздался оглушающий смех.

Сердце мое колотилось от страха как взбесившийся маятник. Не думая ни о чем, я шмыгнула в комнату и заметалась по ней, как пойманная муха. Боже мой, боже мой, куда же мне спрятаться? Если они меня увидят здесь, то примут за воровку! А Эллы нет! И никто не подтвердит, что я пришла сюда с самыми чистыми намерениями! И они меня скрутят и отправят в тюрьму! Или просто пристрелят на месте! А что? Муженек-то ее, поди, какой-нибудь бандит, раз так живет. И пистолет у него наверняка имеется. Пальнет в меня сейчас – и все! Чего ему бояться? Таким всегда все с рук сходит!

Тут мне на глаза попался шкаф, на который я до этого не обратила внимания. Не размышляя, я юркнула в него и захлопнула за собой дверку. За шумом в коридоре парочка ничего не услышала.

Они прошли в комнату и, смеясь, опустились на диван. Мужчина тут же принялся целовать девушку, она шутливо отбивалась. Я сидела в шкафу и тряслась. На голову мне свалилась какая-то шляпа, нос уткнулся в щедро посыпанный нафталином пиджак. Я едва не задышалась. В шкафу было темно, душно, а главное – страшно.

Парочка на диване уже вовсю охала, когда я почувствовала, что еще немного – и окончательно потеряю возможность дышать. Я осторожно приоткрыла шкаф, чтобы создать хоть маленькую щелочку для попадания кислорода. Кислорода через такое отверстие попадало явно мало, зато мне стало хорошо видно, что происходит на диване. Я честно старалась не смотреть, щурила глаза, пыталась прикрыть их рукой, потом плюнула на приличия, так как в шкафу шевелиться было очень неудобно, а тем более подносить руки к глазам. Поэтому я стала смотреть, считая про себя слонов и уговаривая саму себя, что мне абсолютно наплевать на упражнения этой пары.

Сзади на меня что-то отчаянно давило. Я смогла повернуть голову, но так и не поняла, что там. Тогда я осторожно потрогала это ногой. Этим оказались какие-то коробки, до отказа набитые чем-то твердым.

Я спиной сдерживала их натиск, от всей души надеясь, что коробки не вытолкнут меня из шкафа в самый неподходящий момент.

Надеждам моим не суждено было сбыться. В тот момент, когда мужчина начал стонать совсем уже громко, сверху на меня повалилось что-то тяжеленное, я охнула, согнувшись пополам, коробки стремительно надавили на меня, и я вылетела из шкафа головой вперед и кубарем покатила прямо к дивану.

Я еще надеялась, что увлеченная парочка ничего не заметит, занимаясь своим делом, но, видно, я наделала слишком много шума.

Девушка испуганно взвизгнула и подпрыгнула, повиснув у мужчины на шее. Если учесть, что у того руки были заняты – он ими упирался в диван – то удержать ее ему было трудно, и оба рухнули на диван. Они тут же поднялись и вытаращились на меня. У мужчины раскрылся рот, указательный палец вытянулся в мою сторону. Не знаю, сколько бы продолжалась эта сцена, как вдруг в прихожей послышался звук отпираемого замка, и на пороге возникла Элла. Глаза ее, и без того немаленькие, стали просто огромными, она в безмолвии глазела на представшую перед ней картину.

– Э-э-э... – заблеял мужчина. – Э-э-эт... то... Элка, это еще что такое?

– А что? – удивленно спросила девушка, узнавшая, наконец, меня. – Что такого? Ко мне просто подруга пришла. А ты, интересно, чем здесь занимаешься?

– Да ты чего, стерва, субординацию нарушаешь? – взвыл мужчина. – Я тебе сколько раз говорил – твое время после пяти! А ты кого сюда привела? ты что, лесбиянка еще вдобавок? Имей в виду, если твоих мужиков в назначенное время я стерплю, то баб сюда водить не позволю! Извращенка!

– Козел! – взвизгнула Элла. – Не смей меня оскорблять!

– Ты почему не на занятиях? – продолжал орать мужик. – Я за что такие деньги за тебя плачу, чтобы ты терлась здесь и мешала мне... работать?

– Ага! – злорадно подтвердила Элла. – Я больше не пойду на твои дурацкие курсы, понял? И вообще, я хочу сменить график! Ишь, захапал себе лучшие часы!

Бедная девушка, пришедшая сюда с мужем Эллы, испуганно таращилась на семейную чету, прикрывшись простыней до самого подбородка. Она открывала и закрывала рот, как вытянутая из воды рыба.

– Пойдем со мной, плевать на них! – махнула рукой Элла, вытаскивая меня в коридор. – Можете продолжать! – крикнула она в комнату.

– Боже мой, Элла, простите меня, ради бога! – залепетала я. – Понимаете, я сидела тихо, а тут вдруг они пришли... Я не знала, куда мне деваться...

– А, ерунда! – отмахнулась Элла. – Еще из-за таких пустяков переживать! Вот вам деньги, – она протянула мне несколько купюр.

– А... Спасибо! – поблагодарила я, пряча деньги в карман. И тут взглянула на зеркало в прихожей. Боже мой, какое зрелище предстало моим глазам!

На меня смотрела какая-то бесформенная тетка в очках, сползших чуть ли не на подбородок, на голове ее красовалась мужская шляпа, съехавшая кокетливо набок, поверх пальто был накинута пропахший нафталином пиджак... Немудрено, что Элла в первый момент не узнала меня.

Я быстро стянула с себя все чужие атрибуты, отряхнулась и подняла с пола сумку.

– Странные немного у вас с мужем отношения... – позволила я себе заметить, берясь за дверную ручку.

– Нормальные! – заявила Элла. – Как у цивилизованных людей – у каждого своя жизнь. мы выше всяких мелочей!

– Да-да, – проговорила я, поспешно выскакивая в коридор и облегченно переводя дух.

– Приходите ко мне еще! – крикнула Элла из-за двери.

– Непременно! – заверила я ее, сбегая по лестнице.

Фу-у-ух ты! Ну и семейка! С таким мне еще не приходилось сталкиваться. А Кирилл еще мне говорит, что я ненормальная! Да видел бы он эту Эллочку!

На улице я стала рассуждать здраво. В сущности, все получилось замечательно. Во-первых, мне удалось сбавить Элле часть баночек, после чего сумка немного полегчала. Во-вторых, убедилась, что эта семейка не имеет никакого отношения к происшествию с Жорой. Представить себе, что эти люди могут к кому-то ревновать? Такое просто невозможно.

А значит, можно смело звонить Полине, докладывать результаты и требовать гонорара за отлично выполненное задание. Я даже решила купить бутылочку хорошего вина и отметить с Мурашовым удачное начало нашего сотрудничества. А что? Все не так уж плохо начинается! Может, я и в самом деле озолочусь на этом поприще. И тогда... Я буду богатой, независимой, уверенной в себе деловой женщиной! Стану ездить в шикарном автомобиле и каждый день менять прическу! Вот тогда они все меня узнают – и Полина, и Кирилл! Я тогда даже...

Размечтавшись, я не заметила, как шагнула в огромную лужу. Туфля сразу же ушла глубоко внутрь, я почувствовала обжигающее прикосновение ледяной воды, дернулась инстинктивно, и тут же влезла в лужу второй ногой. Стоя посреди лужи, растерянная, мокрая, поправляя на плече тяжеленную сумку, я молчала и думала, какая подлая штука жизнь... Стоит только немного помечтать – тебе тут же все обрubaют. Нет, не буду я деловой леди. Не мой это удел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (ПОЛИНА)

Поручив Ольге Эллу, я решила заняться каким-нибудь более важным делом, которое сестре не под силу. В том, что Миша Соколов подсунул мне липовую версию, я не сомневалась. Хотя кто его знает, конечно...

Одним словом, я решила прокрутить все возможные варианты. Больше всего почему-то меня терзала мысль о том, что это происшествие как-то связано с Жориной работой. Что это не личное. И вот об этом я и собиралась поговорить с Мишей, спеша в тот день в больницу. Миши, надо сказать, в больнице не оказалось. Там присутствовал Леонид Комаров, тоже Жорин сослуживец. Я знала Комарова давно, но не так хорошо, как Соколова. Но это не мешало мне с ним общнуться по важному делу.

– Полина, привет! – поздоровался Леонид.

– Здорово! – ответила я. – А где Миша?

– На работе. А Димыч меня сюда направил. Чтобы, говорит, постоянно кто-нибудь из своих возле Жоры находился. Совсем с ума посходили с эти Андреевым! Заставляет всех плясать под свою дудку!

– И ночью тоже? – спросила я.

– Да нет, ночью или врач или медсестра возле него дежурят... А мы днем.

– Да ладно тебе! – остановила я его. – Вместо того, чтобы на улице мерзнуть, по адресам мотаться – в больнице сидишь, в тепле, в чистоте. Чего тебе плохо-то? Заодно и товарища навещаешь.

– Да, конечно, – согласился Леня. – Это я уж так... Расстроился просто из-за дела этого паскудного.

– Да уж, есть от чего. Как Жора-то? Без изменений?

– Абсолютно, – покачал головой Леня и повторил:

– Абсолютно.

– Жаль, – задумчиво протянула я. – Он, наверное, мог бы пролить свет на это дело.

– Да ты что, Полина? – посмотрел на меня Леня. – Тебе-то что за дело? Ребята этим занимаются, они все и раскроют. Не волнуйся ты так!

– Леня, я вот что хотела у тебя спросить... – не слушая его, задала я вопрос. – ты все-таки давно в милиции работаешь. Скажи, не было ли у Жоры каких-то давних врагов? Ну, из подследственных там?

– Что? – удивился Леня. – Да вроде нет... Хотя, ты знаешь...

– Да? – потянулась я к нему.

– Был такой некто Омельченко, вор и бандит. Жора его посадил несколько лет назад. За дело, между прочим, посадил. Так вот этот Омельченко грозился Жору на перо посадить, как выйдет.

– Так то на перо, а здесь огнестрел!

– Ну мало ли какие могут быть варианты! Может быть, он сменил привычки? Так что над этим стоит подумать...

– И правда, стоит, – уже задумалась я. – А Соколов, значит, сейчас у себя?

– Да скорее всего, да. Где ему еще быть?

– Ладно, Леня, пока! – я уже бежала к лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.